

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА. КОМПАРАТИВИСТИКА

FOREIGN LITERATURE. COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-502-512

EDN: FRBNIT

УДК 811.134.3

Научная статья / Research article

**Эволюция образа бабочки в португальской лирике:
Камознс и поэты Португалии XVIII–XIX веков**

**В.А. Махортова¹ , М.В. Кутьева² **

¹*Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация*

²*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва,
Российская Федерация*

 varvara.m.2504@gmail.com

Аннотация. Цель исследования — проанализировать своеобразие и динамику образа бабочки в пространстве португальского поэтического текста XVI–XIX вв. Ранее эта тема в филологических изысканиях не рассматривалась, что обусловило ее актуальность и новизну. В качестве материала привлечены стихотворения Л.В. де Камознса, М.М. ду Бокаже, Ж. Диниша, Ж. де Деуша. Работа сфокусирована на проблеме преемственности, развития и расширения традиционной символики рекуррентного и устойчиво воспроизводимого в мировой литературе образа, метафорически используемого для изображения внутреннего мира человека. Результаты исследования указывают на то, что образ бабочки в португальской поэзии обладает существенной спецификой. На первый план выступает семантика любви в разнообразных ее проявлениях. При этом традиционная символика «бабочка — женщина» сменяется устойчивой ассоциативной параллелью «бабочка — он, цветок или пламя — она». Важна и ассоциация с чувствами и с испытывающей обновление душой (Диниш). Менее узуальной, но самобытной видится нам индивидуально-авторская параллель: «ревностное служение и выполнение долга» (Камознс). В результате исследования был сделан следующий вывод: в португальской поэзии художественная семантика образа бабочки многообразна; она характеризуется как континуальностью, так и творческими приращениями смысла — семантическими трансформациями и смысловой инверсией.

Ключевые слова: энтономим, семантические трансформации, метафора, символика, образ

© Махортова В.А., Кутьева М.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. В.А. Махортова – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. М.В. Кутьева – сбор и обработка данных, анализ материала, написание и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 мая 2024 г.; отрецензирована 5 июня 2024 г.; принята к публикации 3 июля 2024 г.

Для цитирования: Махортова В.А., Кутьева М.В. Эволюция образа бабочки в португальской лирике: Камões и поэты Португалии XVIII–XIX веков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 502–512. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-502-512>

Evolution of the butterfly image in Portuguese lyrics: Camões and Portuguese poets of the 18th–19th centuries

Varvara A. Makhortova¹, Marina V. Kutyeva²

¹*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*

²*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation*

varvara2405@mail.ru

Abstract. The paper examines originality and dynamics of the butterfly image in Portuguese poetic texts of the 16th–19th centuries. This issue has not been considered before that determines the relevance and novelty of our article. The poems of L. V. de Camões, M. M. du Bocage, J. Dinis, J. de Deus are used as material. The work focuses on the problem of continuity, development and expansion of the traditional symbolism of a recurrent image steadily reproduced in world literature and metaphorically used to depict the inner personal world. Results of the study indicate that the image of butterfly in Portuguese poetry has significant specificity. The semantics of love in its most diverse manifestations comes to the fore. The traditional symbolism of “butterfly as a woman” is replaced by a stable associative parallel “butterfly as *he*, flower or flame as *she*”. The association with feelings and soul experiencing renewal (Dinish) is also relevant. The author’s parallel “zealous service and duty fulfillment” (Camões) is less conventional, but original. Thus, in Portuguese poetry, the literary semantics of the butterfly image is diverse. It is characterized by both continuity and creative increments of meaning.

Keywords: entomonym, semantic transformations, metaphor, symbolism, image

Author’s contribution. Varvara A. Makhortova – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. Marina V. Kutyeva – data collection, analysis of the material, manuscript writing and editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 2, 2024; revised June 5, 2024; accepted July 3, 2024.

For citation: Makhortova, V.A., & Kutyeva, M.V. (2024). Evolution of the butterfly image in Portuguese lyrics: Camões and Portuguese poets of the 18th–19th centuries. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 502–512. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-502-512>

Введение

Появившись на Земле в юрском периоде – около 190 миллионов лет назад, – бабочки обитают на всех континентах, кроме Антарктиды (Ализаде, Мех, 2019). Эти «порхающие цветы» издревле привлекали внимание человека, вызывая и восторг, и мистический страх, становясь причиной суеверий и основой сказок. Обладая богатым смысловым содержанием, этот образ входит в инсектологический код вербального мышления и культуры (Василенко, Рыбакина, 2023, с. 92).

Сегодня бабочка воспринимается преимущественно как «метафора легкомыслия» (Тресиддер, 1999, с.18) и беспечности. Это характерно для многих лингвокультур, в том числе – для португальской. Не случайно переносным значением энтонома “borboleta” («бабочка») является «непостоянный, ветреный человек»; образованный от него глагол “borboletear” означает «блуждать без цели» или «предаваться мечтам» (Dicionário Priberam, s. v.). Под влиянием глобализации в португальскую языковую картину мира проникают иные связанные с бабочкой смыслы. Так, словосочетание “efeito (de) borboleta” («эффект бабочки»), изначально реферировавшее к хаотичным системам в теоретической физике, прочно обосновалось и в универсальной мировой, и в португальской фразеологии, обозначая важность малого для судьбы всеобщего (Dooley, 2009, p. 279–288; Espinosa, 2013, p. 5–7; Mello et al., 2022, p. 161–165).

Однако в творчестве знаковых португальских поэтов от Возрождения до Романтизма образ бабочки интерпретировался иначе и трактовался, в противопоставлении огню, как страстное стремление к чему-то желанному или чрезвычайно важному, как мужское начало в оппозиции к женскому и как пробуждающаяся душа.

В поэтическом воплощении этого уникального образа многопланово проявляются и сочетаются его категориальные признаки: «ассоциативность, метафоричность, полисемичность, оригинальность, этнокультурная обусловленность, интеллектуально-эмотивная синергия мысли и чувства» (Алефиренко, 2022, с. 4).

Художественная трансформация образа бабочки в португальской поэзии (XVI–XIX вв.)

Камознс

В произведениях крупнейшего португальского поэта Луиша Важа де Камознса (1524/1525–1580) образ бабочки фигурирует по меньшей мере в двух несмежных значениях. В хвалебном послании наместнику короля, которое написано в стихотворной форме редондилы, сложившейся «в период Предвозрождения» (Овчаренко, 2023, с. 27), Камознс сравнивает

стремление бабочки к сияющему во тьме пламени с ревностным и самоотверженным служением господину, обладающему непререкаемым авторитетом. Оно интерпретируется поэтом как готовность пожертвовать собою ради высших ценностей:

Redondilhas

<...>

Conde, cujo ilustre peito
merece nome de Rei,
do qual muito certo sei
que lhe fica sendo estreito
o cargo de Vizo-Rei;
servirdes-vos de ocupar-me,
tanto contra meu planeta,
não foi senão asas dar-me,
com as quais vou a queimar-me,
como faz a borboleta.

(Camões, 1843, p. 37)

Редондилы (Пятистишия)

<...>

О граф, Вы заслуживаете
Звания Монарха! Уверен я,
что Вы достойны большего,
чем должность Вице-короля.
Для меня любое Ваше поручение,
Даже и выступить
против собственной судьбы («планиды»)
– все равно, что крылья получить,
На них летя, сгорю я,
Словно бабочка (пред светом Вашим).

(Перевод здесь и далее наш. – В.М., М.К.)

В ином ключе устойчивую символическую ассоциацию бабочки с «бессознательным влечением к свету» (Керлот, 1994, с. 90) Камознс развивает в одном из сонетов, по форме и содержанию отвечающем идеалам эпохи Возрождения. Бабочке, летящей на огонь, уподобляется лирический герой, который вопреки доводам разума доверяется любви, не боясь обжечься ее пламенем:

Qual tem a borboleta por costume,
Que, enlevada na luz da acesa vela,
Dando vai voltas mil, até que nela
Se queima agora, agora se consome,

Tal eu correndo vou ao vivo lume
Desses olhos gentis, Aónia bela;
E abrasso-me por mais que com cautela
Livrar-me a parte racional presume.

(Escritas, Luís de Camões)

Обычно бабочка,
Зачарованная горением свечи,
Облетает ее тысячу раз, пока в ее пламени
Вдруг не сгорит вся, исчезая вмиг.

Вот так и я спешу к огню живому
Глаз этих нежных, Аония прекрасная;
И я воспламеняюсь, как бы ни пытался
Разумным быть и осторожным.

Мануэл Мария Барбоза ду Бокаже

К этой же «пламенной» аллегории через два века обращается один из выдающихся представителей португальского классицизма Мануэл Мария Барбоза ду Бокаже (1765–1805). В поэтической зарисовке “O Amante e a Borboleta” («Влюбленный и Бабочка») летящей на огонь бабочке уподоблен лирический герой, который не в силах противостоять охватившей его страсти. По сюжету стихотворения, юному Лауро не спится глубокой ночью. Снедаемый любовными мечтами, он думает о своей несчастной доле и о “venturas de um rival” («об удаче возможного соперника»), кото-

рому жаждет отомстить, издавая “vãos queixumes” («напрасные стоны»). И вдруг в его комнату влетает бабочка, влекомая магией света:

O Amante e a Borboleta

Leve borboleta em tanto
Por entre os crebos suspiros,
Junto do lume ondeante
Vaguêa em rapidos giros.
Eil-a de espaço em espaço
Roçando a flamma luzente:
Dóe-se, mas que evite o damno
Cégo instinção não consente.

(*Poesias... du Bocage, 1853, p. 127*)

Влюбленный и Бабочка

Легкая бабочка между тем
Меж частых горестных вздохов
Все ближе к колеблющемуся пламени
Подлетает, быстро кружа.
И вот она, за витком виток,
Уже касается свет дающего огня:
Ожог! Но боли избежать
Слепой инстинкт не согласится!

И хотя влюбленный юноша указывает бабочке на ее безрассудство и даже называет ее “louca” («безумной»), сам он прислушивается не к разуму, но к сердцу. Оба забывают об опасности, опьяненные красотой.

Впрочем, у Бокаже исследуемый нами образ обретает и иное преломление. Так, в «Анакреонтических одах» своенравный полет бабочки вызывает в сознании юноши воспоминания о возлюбленной:

Odes Anacreónticas I

Veloz Borboleta,
Que leda girando
Penosas idéas
Me estás avivando:
Insecto mimoso.
Aos olhos tão grato,
Da minha tyranna
Tu és o retrato:
A graça, que ostentas
Nas plumas brilhantes,
Tem ella nos olhos
Gentis, penetrantes:
Tu andas brincando
De flor para flor;
Anarda vaguea
D' amor em amor.

(*Poesias... du Bocage, 1853, p. 116*)

Анакреонтические оды I

Быстрая бабочка,
Летающая кругами,
Грустные мысли
Ты оживляешь во мне:
Изнеженное насекомое.
Глазам столь приятный
Портрет моей госпожи
Являешь ты:
Волшебство твоих
Ярких крыльев
Есть в ее глазах –
Добрых и проникновенных.
Порхаешь ты
С цветка на цветок;
Анарда же мечется
От одной любви к другой.

Очевидно, что бабочка – уже не метафорический двойник юноши, как это было в стихотворении “O Amante e a Borboleta” («Влюбленный и бабочка»), где легкокрылая провидица уверяла его: “Se em teu siso estiveses, / Viras em mim teu retrato” («Если бы ты был в своем уме, / Ты увидел бы во мне свой портрет»). Теперь это уже эмблема жестокой красавицы: “Da minha tyranna / Tu és o retrato” («Портрет моей госпожи / Являешь ты»). Иными словами, бабочка здесь не *он*, но *она*, что позволяет говорить

об инверсии мотива или, вернее, о возвращении к его классической трактовке античных времен – бабочке-Психее (Trueblood, 2022, p. 830)¹.

Схожее явление можно наблюдать в поэме “As Damas e a Borboleta” («Дамы и Бабочка»). В ее основе та же метафора: «женщина – бабочка». Крылатой красавице, которая порхает от цветка к цветку и выбирает для сбора нектара самый неказистый (не жасмин, не розу, но маргаритку), Бокаже уподобляет ветреную избранницу лирического героя. Отвергая благородных претендентов, она отдает предпочтение наименее достойному кавалеру:

As damas e a borboleta

Batendo as azinhas leves,
Matizadas de mil côres,
la veloz borboleta
Libar o sueco das flôres.
Anhelante, cubiçosa,
Voou a ameno jardim,
E a flôr, que tocou primeiro,
Foi o candido jasmim.
Da bonina côr de neve
Esquivou-se, desdenhosa,
Practicando igual desprezo
Co'a fragrante, idalia rosa
Sobre insipido, amarello
Malmequer em fim pousou.
<...>
Não longe d'ali jaziam
Duas mimosas donzellas.
<...>
“Olha a brutinha! Bem mostra
De razão não ser dotada;
Deixa o jasmim, deixa a rosa,
E do malmequer se agrada!”

(*Poesias... du Bocage, 1853, p. 131–132*)

Дамы и бабочка

Взмахивая легкими крылышками,
Окрашенными тысячью цветов,
Летела быстрая бабочка
Отведать нектара цветов.
Тревожная, жадная,
Облетела прекрасный сад,
Цветок, которого первым коснулась она,
Был невинный жасмин.
Но от соцветья белоснежного
Отринулась она с презреньем,
Испытывая ту же неприязнь
И к ароматной и изящной розе.
Вот на невзрачной желтой
Маргаритке она остановилась все же.
<...>
Неподалеку разговаривали
Две томные девушки.
<...>
«Посмотри на эту дурочку! Сразу видно,
Что разума в ней мало.
Оставляет жасмин, оставляет розу
И радуется маргаритке!»

На сказанное бабочка возражает, что ведь и девушки поступают так же: отвергают добродетельных поклонников и тянутся к тем, кто не стоит внимания. Поэма завершается предположением бабочки о том, что женщина “...só nutre, só conserva / Amor firme, ardente e liso / Se encontra no objecto dele / O nome da flor que pisa” («...питает и хранит / Любовь крепкую, страстную и искреннюю, / Только если находит в предмете ее любви / То, что заключено в названии цветка, который выбирает»). Если вспомнить, что речь идет о маргаритке, которая по-португальски называется «mal-me-quer» (дословно «не-любит-меня»), то смысл этих строк стано-

¹ Uma breve história das borboletas azuis. *A Revista de Ibiúna e Região. Vitrine online*. 24 de fevereiro, 2019. <https://revistavitrineibiuna.com.br/?p=18747>

вится яснее. Невольно напрашивается параллель с пушкинским уверением: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей».

Жоау де Деуш и Жулиу Диниш

С любовной тематикой образ бабочки связан и в стихотворениях большинства поэтов последующих эпох. В лирике Жоау де Деуша (1830–1896) прослеживается начатая Камознсом и продолженная Бокаже параллель с пламенем: к нему неудержимо стремится и в нем гибнет мечтательная бабочка. Несчастливая видит свет и оказывается в магической ауре его притяжения, пропадает в нем как бы нечаянно, по неосторожности. Здесь, как и в строфах, процитированных нами ранее, роль бабочки примеряет на себя мужчина, теряющий волю и разум перед волшебством света (глаз девушки, ее красоты и самой любви). Страсть становится для него губительной, роковой. Энтомологическое отождествление выполняет в данном случае эвфемическую (облагораживающую) функцию (Rustamova, 2021, p. 28–30).

Отметим, что классическим для европейской литературы, особенно для ее золотого века, было противоположное гендерное соотношение: чаще всего яркокрылая чаровница, доверчиво устремляясь к рассеивающему мрак, но в то же время безжалостному огню, аллегорически являлась воплощением женского начала (Гладкова, 2009, с. 39). В связке символов «бабочка — огонь» заложено почти мистическое противоречие: огонь освещает и губит, бабочка наслаждается и гибнет. Ослепленное ярким светом беззащитное и хрупкое существо неосознанно (или осознанно) идет на гибель или самоотречение, воспринимая это как неизбежность. Возможна и параллель с поэтом, который сознательно самоуничтожается ради высшего, ради творчества (Trueblood, 2022, p. 830–831).

Attração

<...>

Meus olhos... coisa rara!
Porque hão de em ti parar
Como a corrente pára
Em encontrando o mar!?

<...>

Olhei!... Foi indiscreta
A vista que te puz.
A pobre borboleta
Viu luz... cahiu na luz!

Uma atração mais forte
Que toda a reflexão,
(É fado, é sina, é sorte!)
Me arrasta o coração.

(*Citador, João de Deus*)

Притяжение

<...>

Глаза мои – такие странные!
Почему они останавливаются на тебе,
Как останавливается реки течение,
Когда она впадает в море?

<...>

Я взглянул! Но был нескромен
Взгляд мой в сторону твою!
Так вот и бабочка – бедняжка
Увидит свет – и мчит к нему!

Притяжение сильнее
Отраженья, рассужденья
(Это рок, судьба и жребий!)
Разрывает сердце мне!

Игривым и легким выглядит другое стихотворение Жоау де Деуша – “Beijo” («Поцелуй»). Чередование более длинных и совсем коротких, односложных строк, а также ритм этого произведения иконически повторяют порывистое, неравномерное порхание нашей обитательницы цветущих садов. Лирический герой также жаждет приникнуть к девичьему лицу, как бабочка к нежной фиалке:

Beijo

Beijo na face
Pede-se e dá-se:
Dá?
Que custa um beijo?
Não tenha pejo:
Vá!
Um beijo é culpa,
Que se desculpa:
Dá?
A borboleta
Beija a violeta:
Vá!

(Citador, João de Deus)

Поцелуй

Поцелуй в щечку
Нетрудно подарить!
Подаришь?
Чего стоит один поцелуй?
Не стесняйся!
Эй!
Поцелуй – вина такая,
Что простить не жалко!
Ты же мне его подаришь?
Вот и бабочка
Целует нежную фиалку:
Эй!

Еще у одного поэта-романтика, Жулиу Диниша (1839–1871), лучи глаз возлюбленной не сжигают, а пробуждают чувства – бабочку, вызволяя ее из кокона. Юный поэт в своих произведениях проводит аналогию с душой – вначале спящей, инертной, пребывающей в «тесноте» (Угрюмов, 2022, с. 76–88), но вдруг оживающей, становящейся неудержимой, непредсказуемой, трепетной бабочкой. Обратимся к его стихотворению “Metamorfose” («Метаморфоза»), ярко воплощающему идеалы романтизма:

Metamorfose

Repara: – a imóvel crisálida
Já se agitou inquieta,
Cedo, rasgando a mortalha,
Ressurgirá borboleta.
Que misteriosa influência
A metamorfose opera!
Um raio de Sol, um sopro
Ao passar, a vida gera.
Assim minh'alma, inda ontem
Crisálida entorpecida,
Já hoje treme, e amanhã
Voará cheia de vida.
Tu olhaste – e do letargo
Mago influxo me desperta;
Surjo ao amor, surjo – vida,
À luz de uma aurora incerta.

(Dinis, 1979, p. 61–62)

Метаморфоза

Посмотри: неподвижная куколка
Зашевелилась беспокойно,
И вскоре, разорвав пелену,
Возникнет бабочка.
Какое загадочное воздействие
Творит метаморфоза!
Луч солнца, дуновенье ветра
Жизнь порождают.
Так и душа моя, еще вчера
Немая куколка застывшая,
Сегодня вся дрожит, а завтра
Взлетит, наполненная жизнью.
Ты взглянула – и от летаргии
Волшебный порыв пробуждает меня;
Я восстаю для любви, я восстаю для жизни
В лучах робкого рассвета.

Любовный контекст накладывает отпечаток на архаичную символику бабочки, что касается не только ее безрассудного полета к манящему огню, но и метаморфоз, интерпретируемых Динишем как обновление и возвращение к жизни через обретение любви.

Заключение

Итак, проведенный нами анализ позволил проследить существенную трансформацию образа бабочки в пространстве португальской поэзии. На первый план выдвигается его ассоциация с темой любви. Любовь как нежность, восторг, страсть и гибель в роковом огне – все это сочетается в художественной семантике образа.

Подобно бабочке, касающейся цветка, лирический герой нежно целует возлюбленную (Деуш). Сила любви преобразует, оживляет и окрыляет его душу (Диниш). Однако любовь способна обжечь или даже погубить неосторожного героя (Камознс, Бокаже, Деуш). В роли бабочки при этом почти всегда оказывается мужчина, а не женщина, как в других литературах. Вспомним, например: «Я, словно бабочка к огню, стремилась так неодолимо....» (Э. Рязанов). И если в античном искусстве популярен сюжет ловли Психеи-бабочки Амуром с горящим факелом в руке (Мифологическая энциклопедия), то в португальской поэзии огонь становится ее принадлежностью, тогда как бабочкой оборачивается он. Диада «бабочка (движение, активность, неустойчивость страсти) – он, а пламя свечи или цветок (статика, привлекательность, красота) – она» обретает устойчивый характер в поэтической традиции Португалии. У Камознса и де Деуша с бабочкой ассоциируется лирическое «я», а с цветком – его избранница.

Таким образом, традиционная символика бабочки получает развитие, претерпевает инверсию и дополняется новыми смыслами.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Языковой образ: дискурсивно-модусный креатив // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 4. С. 3–14.
- Ализаде Т., Мех Н.В.* «Мифологические» бабочки // Наука и жизнь. 2019. № 9. <https://www.nkj.ru/open/36630>
- Василенко А.П., Рыбакина В.С.* Образные сочетания как транслятор инсектологического кода культуры (на материале образов «божья коровка», «бабочка», «стрекоза» во французском и русском языках) // Филологический аспект. 2023. № 1 (93). С. 88–93.
- Гладкова А.А.* К вопросу о художественной символике образа бабочки в произведениях на русском и английском языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 3–2. С. 39–40.
- Керлот Х.Э.* Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
- Мифологическая энциклопедия. https://gufo.me/dict/mythology_encyclopedia/

- Овчаренко О.А. Литература Португалии. М.: Директ-Медиа, 2023. 272 с.
- Тресиддер Д. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-Пресс, 1999. 448 с.
- Угрюмов В.Е. Происхождение бабочки: образ освобождения из тесноты в произведениях С.Т. Аксакова // Аксаковский сборник. 2022. Вып. 8. С. 76–88.
- Blanco Ch. *Metamorphoses of the butterfly in Classical Antiquity: from the female body to the soul of the dead*: Ph.D. Dissertation. Cambridge, 2019. <https://doi.org/10.17863/CAM.38569>
- Camões L. de. *Obras completas*. Paris: Officina typographica de Fain e Thunot, 1843. 435 p. <https://www.gutenberg.org/files/37192/37192-h/37192-h.htm>
- Citador, João de Deus. <https://www.citador.pt/poemas/a/joao-de-deus>
- Dicionário Priberam. <https://dicionario.priberam.org/>
- Dinis J. *Poesias completos*. Porto: Livraria Civilização Editora, 1979. 557 p.
- Dooley K.J. The butterfly effect of the “Butterfly Effect” // *Nonlinear Dynamics Psychology and Life Sciences*. 2009. Vol. 13. Issue 3. P. 279–288.
- Escritas, Luís de Camões. <https://www.escritas.org/pt/luis-de-camoes>
- Espinosa A.E. *El efecto mariposa, una metáfora socialmente creativa*. Saarbrücken: Editorial Académica Española, 2013. 96 p.
- Mello C. de, Mello B.S., Mello R.A. Quando a borboleta voa em direção ao infinito // *Revista Gestão & Políticas Públicas*. 2022. Т. 12. № 1. P. 161–165.
- Poesias de Manuel Maria de Barbosa du Bocage*: em 6 t. Т. 2. Lisboa: Casa do Editor A. J. F. Lopes, 1853. 434 p.
- Rustamova D.A. *Lingua-cognitive aspect of metaphoric euphemization* // *Globus: Гуманитарные науки*. 2021. № 1 (35). P. 28–30.
- Trueblood A.S. *La mariposa y la llama: motivo poético del Siglo de Oro* // *Actas del Quinto Congreso Internacional de Hispanistas*. Bordeaux: Université de Bordeaux, 1977. Vol. 2. P. 829–837.

References

- Alefirenko, N.F. (2022). Language imagery: discursive and modus creative. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8(4), 3–14. (In Russ.)
- Alizade, T., & Mekh, N.V. (2019). “Mythological” butterflies. *Science and Life*, 9. (In Russ.) <https://www.nkj.ru/open/36630>
- Blanco, Ch. (2019). *Metamorphoses of the butterfly in Classical Antiquity: from the female body to the soul of the dead*. (Ph.D. Dissertation). Cambridge. <https://doi.org/10.17863/CAM.38569>
- Camões, L. de. (1843). *Obras completas*. Paris: Officina typographica de Fain e Thunot. <https://www.gutenberg.org/files/37192/37192-h/37192-h.htm>
- Citador, João de Deus. <https://www.citador.pt/poemas/a/joao-de-deus>
- Dicionário Priberam. <https://dicionario.priberam.org/>
- Dinis, J. (1979). *Poesias completos*. Porto: Livraria Civilização Editora.
- Dooley, K.J. (2009). The butterfly effect of the “Butterfly Effect”. *Nonlinear Dynamics Psychology and Life Sciences*, 13(3), 279–288.
- Encyclopedia of Mythology*. (In Russ.) https://gufo.me/dict/mythology_encyclopedia/
- Escritas, Luís de Camões. <https://www.escritas.org/pt/luis-de-camoes>
- Espinosa, A.E. (2013). *El efecto mariposa, una metáfora socialmente creativa*. Saarbrücken: Editorial Académica Española.
- Gladkova, A.A. (2009). On the question of the artistic symbolism of the butterfly image in Russian and English literature. *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 3–2, 39–40. (In Russ.)

- Kerlot, J.E. (1994). *Dictionary of symbols*. Moscow: REFL-book. (In Russ.)
- Mello, C. de, Mello, B.S., & Mello, R.A. (2022). Quando a borboleta voa em direção ao infinito. *Revista Gestão & Políticas Públicas*, 12(1), 161–165.
- Ovcharenko, O.A. (2023). *Literature of Portugal*. Moscow: Direct-Media. (In Russ.)
- Poesias de Manuel Maria de Barbosa du Bocage: em 6 t.* (1853). T. 2. Lisboa: Casa do Editor A. J. F. Lopes.
- Rustamova, D.A. (2021). Lingua-cognitive aspect of metaphoric euphemization. *Globus: Social Sciences*, 1(35), 28–30.
- Tresidder, J. (1999). *Dictionary of symbols*. Trans. from English by S. Palko. Moscow: FAIR-Press. (In Russ.)
- Trueblood, A.S. (1977). La mariposa y la llama: motivo poético del Siglo de Oro. *Actas del Quinto Congreso Internacional de Hispanistas*. Bordeaux: Université de Bordeaux. Vol. 2. P. 829–837.
- Ugryumov, V.E. (2022). The origin of the butterfly: the image of liberation from crowding in the works of S.T. Aksakov. *Aksakov Collection*, 8, 76–88. (In Russ.)
- Vasilenko, A.P., & Rybakina, V.S. (2023). Figurative combinations as a translator of the insectological code of culture (based on the images “ladybug”, “butterfly”, “dragonfly” in French and Russian). *Philological Aspect*, 1(93), 88–93. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Махортова Варвара Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры португальского языка, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38. ORCID: 0000-0002-7944-1161. E-mail: varvara.m.2504@gmail.com

Кутьева Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация, 115054, Москва, Стремянный пер., д. 36. ORCID: 0000-0002-2952-8349. E-mail: kuteva.mv@rea.ru

Bio notes:

Varvara A. Makhortova, Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Portuguese Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, 38 Ostrozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7944-1161. E-mail: varvara.m.2504@gmail.com

Marina V. Kutyeva, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of foreign languages No. 2, Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremianny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0002-2952-8349. E-mail: kuteva.mv@rea.ru